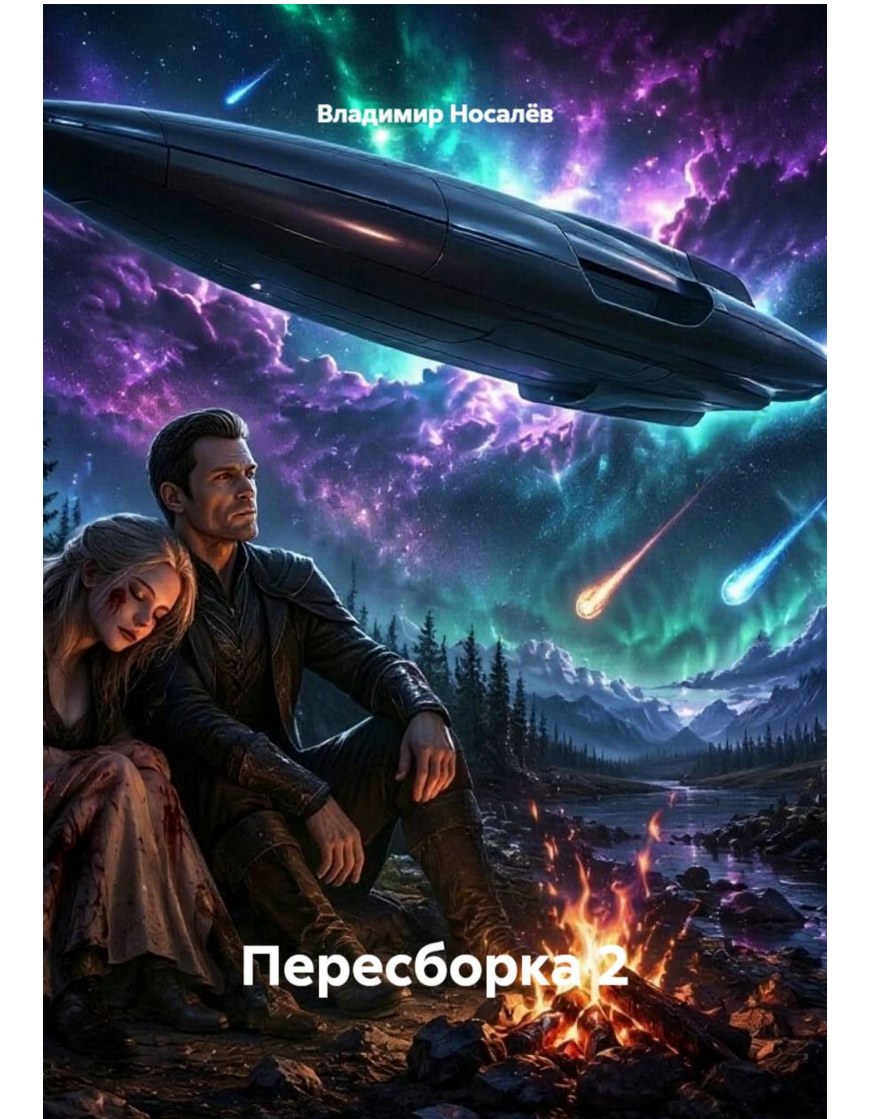

Владимир Носалёв

Пересборка 2

Владимир Носалёв

Пересборка 2

<https://litres.ru/74322168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он прошел через портал, чтобы выжить. Он обрел силу, чтобы побеждать. Но во Вселенной, где миры сплетаются в паутину Эфира, а за равновесием следят древние существа, называющие себя Жнецами, сила — это не дар, а проклятие.

Авель, простой заводчанин из нашего мира, уже перестал быть человеком. В его жилах течет чуждая, разрушительная энергия, а разум превратился в холодный боевой протокол. Он выигрывал битвы, но проиграл главное сражение — за собственную душу. Теперь он — аномалия, угроза для самого мироздания, и по его следу идут те, с кем невозможно договориться.

Мрачное продолжение истории, где цена выживания — не только чужая кровь, но и собственное «я».

Владимир Носалёв

Пересборка 2

Книга 2.

Глава 1. Новая бездна

Сознание возвращалось рывками, словно выныривая из толщи чёрной, вязкой смолы. Я не спешил открывать глаза. Где-то на задворках разума ещё гуляло эхо поглощённой мной силы — холодное, древнее, абсолютно чуждое.

Первым пришло ощущение боли. Нет, не так. Это была не боль, а её отсутствие там, где она должна была быть адской. Я помнил, как когти монстра вспороли мне спину до костей. Помнил, как мышцы на плече разошлись, обнажая что-то белое и влажное. Сейчас эти раны просто саднили и нестерпимо, до зубовного скрежета чесались. Ткани заживали с неестественной, пугающей скоростью, стягивая края ран новой, розовой кожей.

Я лежал на боку, на всё том же грязном полу полуразрушенной лачуги, в воздухе висел запах гнилой крови монстра, смешанный с кислым потом и гарью. Попытался пошевелить рукой — и не смог. Запястья туго стягивало что-то шерша-

вое. Ноги тоже были связаны у лодыжек. Это были не просто верёвки. От них веяло сухим, покалывающим холодом, от которого немели мышцы.

— Илэя, — позвал я, и собственный голос показался мне скрежетом несмазанных шестерён. — Эй... ты как?

Тишина. А потом — тихий, полный сдавленной боли и облегчения шёпот из противоположного угла:

— Жива. И ты... я думала, ты уже всё. Ты не дышал. Со-
всем.

Я осторожно приоткрыл глаза, щурясь от тусклого света. Она сидела, привалившись спиной к бревенчатой стене, и её серебристые волосы, слипшиеся от грязи и крови, по-прежнему тускло мерцали. На лице уже наливался синевой кровоподтёк. Её руки тоже были связаны. Я увидел, как она слабо, через силу улыбнулась мне, и от этой улыбки у меня защемило сердце.

Грубый звук шагов разорвал тишину. В лачугу, пригнув голову в низком проёме, вошёл мужчина. Широкоплечий, кряжистый, с бычьей шеей и лицом, изрезанным старыми шрамами, на месте левого глаза тускло блестела металлическая пластина. За ним, словно две хищные гончие, тенью скользнули двое бойцов с обнажёнными клинками. Следом,

перешагнув через обломки двери, вошла женщина с коротко стриженными волосами и шрамом через губу. Она молча окинула меня взглядом и встала у стены, скрестив руки. Снаружи, судя по доносившемуся грубому смеху и гоготу, расположился остальной отряд.

— Ну, что, очнулся? — бросил здоровяк, и я сразу понял, что это и есть главарь. Голос у него был низкий и скрежещущий, как проворачивающиеся в породе жернова.

Я молча смотрел на него снизу вверх, не отвечая.

— Итак, давай знакомиться, — выпалил незнакомец, присаживаясь на корточки напротив меня. От него разило кожей, металлом и застарелым потом. — Меня зовут Корвус. Я буду задавать тебе вопросы, а ты, — он хлопнул себя ладонью по колену, — будешь отвечать. Надеюсь, ты окажешься поговорчивее, чем твоя девка. Она у вас молчаливая. Кто вы? Откуда пришли? Зачем? И куда, демоны вас раздери, направляетесь?

В голове всё ещё стоял тяжёлый, давящий на виски гул. Я чувствовал внутри странную, звенящую пустоту, которая, казалось, ждала только повода, чтобы заполниться чем-то иным. Я не видел смысла врать. Язык ворочался с трудом, но я заставил его работать. Я рассказал всё: что я не из этого

мира, что попал сюда через портал, что хочу найти дорогу домой, а моя спутница — учёная из другого мира, и мы просто пытаемся дойти до аномалий на севере.

Когда я закончил, женщина со шрамом на губе, не издав ни звука, перевела взгляд на Корвуса и коротко кивнула. Она была магом-следопытом и только что подтвердила, что я говорю правду.

Корвус хмыкнул и выпрямился во весь рост.

— Вы маги, — произнёс он весомо, словно ставил печать на приговоре. — Может, ряженные, может, беглые, плевать. Я не могу позволить вам идти на север. Там и так чертовщина творится, а тут ещё вы. Вы очень опасны, — он посмотрел на меня с презрительным прищуром, — особенно ты. Я видел, что осталось от тех тварей. Ты чудовище в человеческой шкуре.

Он мотнул головой, отдавая приказ своим людям.

— Скоро мы отведём вас в Вольтерн и сдадим с рук на руки королю. А пока мои парни научат твою спутницу разговаривать.

Двое бойцов, что стояли за его спиной, переглянулись с хищными, предвкушающими улыбками. Они бесцеремонно подхватили Илэйю, сдавив ей плечи, и рывком поставили на

ноги. Она рванулась, но они держали её мёртвой хваткой и потащили к выходу.

— Не делайте этого, — мой голос прозвучал глухо и неестественно спокойно. — Чтобы вам потом не пришлось жалеть.

Корвус хмыкнул.

Их шаги стихли за стеной. А потом я услышал звук удара — глухой, жестокий удар по живому телу. Затем второй. Сдавленный вскрик Илэи резанул меня, как ножом по сердцу. Она не закричала в голос, но в её молчании было столько боли, что я почувствовал, как внутри меня, в той самой звенящей пустоте, поднимается что-то чёрное и беспощадное.

Злость. Ненависть. Чистый, ничем не замутнённый гнев, какого я не испытывал никогда в жизни. Это было сильнее, чем ярость на Падших. Это было первобытное, всепоглощающее бешенство, которое затопило разум, выжигая все человеческие чувства.

Магические путы на моих запястьях, эти нити из сырой, холодной энергии, было невозможно разорвать физически. Но моё сознание, моё новое, пересобранное куполом «я», работало с холодной точностью вычислительной машины.

Зачем рвать, если можно впитать? Я сосредоточился на верёвках. Почувствовал их структуру, их холодную, колючую суть. И я просто потянул эту энергию в себя, как губка втягивает воду. Нити на глазах тускнели, становились серыми, ломкими, пока не рассыпались безжизненной трухой.

Я вскочил на ноги. Движение было настолько резким и быстрым, что Корвус, стоявший на пути, отлетел к стене, сбитый с ног, словно кегля. Я вылетел наружу.

Илэйя лежала на земле, свернувшись в клубок, а двое громил методично, со знанием дела, пинали её ногами. Я видел их ухмыляющиеся лица. Видел, как заносится тяжёлый сапог для очередного удара.

Мир вокруг меня схлопнулся до размеров этой поляны. Ярость, которую я пытался сдержать, взорвалась ослепительной вспышкой. Одним прыжком я преодолел разделявшее нас расстояние.

Первый удар был даже не ударом. Это был размазанный в воздухе росчерк. Моя ладонь, сложенная лопаткой, врезалась в висок того, что пинал её. Кость хрустнула, подавшись внутрь, и боец мешком рухнул на землю. Второй, среагировав на движение, начал разворачиваться, его рука дёрнулась к мечу, но я был быстрее. В разы быстрее. Я перехватил его

руку в локте и сломал её, как сухую ветку. Треск разрываемых сухожилий и его дикий, захлебнувшийся вопль слились в один жуткий аккорд.

На шум уже бежали остальные. Весь отряд, закалённых убийц и двое магов, брали меня в кольцо. Темно-синие линии на моих запястьях вспыхнули с новой силой, заливая всё вокруг холодным, мертвенным светом. Глаза заволокла тёмная бездна, сквозь которую я видел мир уже не в цвете — а в чернильно-серых тонах, вибрирующих от потоков энергии. Я перестал быть собой. Я стал процессом. Устранением угрозы.

Сначала я давал отпор. Моя скорость и сила были на нечеловеческом, запредельном уровне. Я уклонялся от клинков, чувствуя движение воздуха, пробивал доспехи кулаками, ломал оружие, которое пыталось достать меня. Но их было слишком много. Слишком много даже для меня. Заклинания магов хлестали по телу, замедляя движения. Удары сыпались со всех сторон.

Откуда-то сбоку, словно из ниоткуда, прилетел страшный удар окованной дубинкой. Я не успел среагировать. Висок взорвался болью, мир покачнулся, и сознание на мгновение померкло.

Но тело не упало.

Моё подсознание, тот самый аварийный протокол, в который купол вшил саму мою суть, продолжало работать. Оно работало с абсолютной, вычислительной мощностью, анализируя траектории атак, оценивая угрозы, ища выход. Я больше не видел мир глазами. Я чувствовал его. Каждую враждебную ауру, каждое искажение воздуха от летящего кулака, каждый всплеск магии, подобный удару тока. Мир превратился в тактильную карту из чистой, вибрирующей тьмы.

Наёмники на секунду опешили, видя, что я, с жуткой раной на голове, всё ещё стою на ногах. И тогда они принялись колотить меня с ещё большим остервенением, пытаясь забить, как дикого зверя.

И тогда спасительный протокол, которого я так боялся, не подвёл. Он нашёл решение. Сырая, чужеродная энергия Пожирателя, которую я поглотил, была не просто силой. Она была информацией. Памятью. Инструментом.

Из моих лопаток, разрывая ткань куртки и плоть, с влажным, чавкающим звуком вырвались они. Четыре фантомных шупальца, сотканных из холодного, чернильно-синего света. Они были полупрозрачными, как у тех тварей, и колебались в воздухе, словно жили своей собственной жизнью. Два из

них на концах уплотнились, материализовав из самой энергии острые, как бритва, костяные лезвия, хищно поблёскивающие в сумраке.

Остальные два работали как вспомогательные манипуляторы — они подсекли ближайшего бойца, опрокинув его на землю, перехватили чей-то летящий в меня топор и отшвырнули его в сторону. А лезвия... лезвия начали свою жатву.

Я двигался в центре этого вихря, и мой разум, наконец, слился с телом. Я был не жертвой, теряющей контроль. Я был дирижёром этого кровавого оркестра. Удар. Блок. Выпад. Короткий, свистящий взмах щупальца перерезает горло магу Искре, не успевшему поставить щит. Вторым я пробиваю нагрудник Вейры. Мир вокруг меня сузился до уравнения, в котором оставался только один возможный исход.

Спустя минуту всё было кончено.

Я стоял в центре поляны, тяжело дыша. Вокруг меня, на истоптанной, пропитанной кровью траве, в неестественных позах лежало двенадцать сильно изувеченных тел. Воздух был тяжёлым от запаха железа и внутренностей. Фантомные щупальца, исполнив свою задачу, втянулись обратно в моё тело, оставив на спине только рваные дыры на одежде. Чернильно-синее свечение на запястьях начало угасать, пульси-

руя в такт моему замедляющемуся сердцу.

Я опустил взгляд на свои руки. Они дрожали. Не от страха, не от усталости. От перенапряжения, от той чудовищной, нечеловеческой эффективности, с которой они только что работали. Я не чувствовал торжества. Не чувствовал удовлетворения. Только холодную, звенящую пустоту и тихий, едва уловимый шёпот чужой воли на самом дне моего сознания.

Краем глаза я заметил движение. Илэя, преодолевая боль, приподнялась на локтях и смотрела на меня. В её глазах, в этих зелёных, бездонных омуты, не было страха. Там была потрясённая, онемевшая тишина и что-то ещё. Понимание? Принятие? Она смотрела на меня, стоящего посреди горы трупов с нечеловеческим оружием, вырвавшимся из моей спины, и молчала.

Я попытался сделать шаг к ней. Губы дрогнули, чтобы что-то сказать. Но мир вокруг снова начал расползаться по швам, теряя краски и очертания. Сознание, выжатое до последней капли, вновь провалилось в знакомую бездну.

Книга 2. Глава 2. Цена выживания

Сознание возвращалось толчками. Не так, как в прошлый раз — не было того провала в холодную, чужую бездну. На

этот раз я словно выныривал из толщи мутной, тёплой воды, медленно, рывками, ощущая каждую клетку своего избитого тела. Первым вернулось обоняние. В ноздри ударил резкий, терпкий запах — смесь горьких трав, сырой земли и чего-то спиртового. Пахло знакомо, почти по-земному. Как в медпункте нашего завода, когда санитарка тётя Клава обрабатывала мне руку, распоротую острой стружкой.

Я разлепил веки. Мир расплывался, но я сразу узнал эти серебристые волосы, склонившиеся надо мной. Илэя сидела рядом на коленях, бережно, но умело накладывая на моё израненное плечо полоску чистой ткани, пропитанную какой-то густой, резко пахнущей мазью. Её движения были точны и осторожны, как у хирурга. Я смотрел на неё сквозь мутную пелену слабости, и где-то глубоко внутри, под слоем смертельной усталости, шевельнулось тёплое, почти забытое чувство благодарности.

— Как ты, Амель? — спросила она, заметив мой открытый взгляд. Её голос был тихим и ровным, но в нём больше не было того ледяного профессионализма Наблюдателя. В нём звучало что-то другое — почти человеческое беспокойство.

— Живой, — прохрипел я, и собственный голос показался мне скрежетом ржавого железа по бетону. — Вроде бы. Пока не уверен.

Я огляделся. Мы были снаружи, у самой стены нашей полуразрушенной хижины. Илэйя, видимо, подтащила меня сюда, с поля боя, пока я был без сознания, и усадила, оперев спиной о шершавые, холодные брёвна. Я заметил, что её руки больше не были связаны. На запястьях, там, где их стягивали магические путы, виднелись красные, воспалённые ссадины, но самих пут не было. Значит, она сама как-то освободилась. Я хотел спросить как, но сил не было даже на это.

В горле пересохло до такой степени, что язык, казалось, прилип к нёбу. Я с трудом сглотнул и прохрипел:
— Пить... В горле — пустыня.

Илэйя тут же отложила бинты, взяла с земли глиняный кувшин с отбитым краем и, приподняв мою голову, осторожно поднесла его к моим губам. Вода была ледяной и невероятно вкусной. Она пахла дымом и травами. Я пил жадно, захлёбываясь, чувствуя, как живительная влага растекается по телу, пробуждая его от спячки. Вместе с водой проснулся и голод.

— Хочу жрать, — выдохнул я, ухмыльнувшись. Ухмылка вышла кривой и жалкой, но это была моя ухмылка.

Илэйя понимающе кивнула. Она не задавала лишних во-

просов. Она, как всегда, всё понимала. Пока я был в отключке, мой внутренний протокол использовал колоссальный объём ресурсов. Трансформация тела, регенерация тканей, материализация этих жутких фантомных щупалец — всё это требовало энергии. Топлива. И сейчас мой организм требовал немедленно пополнить запасы.

Я ел всё, что попадалось под руку. Запечённую накануне рыбу, которая стала холодной и жёсткой, я запихивал в рот целиком, почти не жуя. Горсти сушёных ягод, кисло-сладких и вяжущих. Полоски вяленого мяса, которые приходилось отрывать зубами с усилием. Я давился, запивал всё той же ледяной водой из кувшина и снова ел. Это был не ужин, это была заправка измученной, опустошённой машины.

Между делом, прожёвывая очередной кусок, я заметил, что поляна перед хижинкой опустела. Трупы наёмников, которые должны были там лежать, исчезли. Лишь примятая, пропитанная кровью трава свидетельствовала о том, что бойня мне не приснилась.

— Я оттащила тела к оврагу, — тихо сказала Илэйя, перехватив мой взгляд. — Могут прийти стервятники. Или кто-то похуже.

Я посмотрел на неё. На её тонкие, изящные руки, на ко-

торых сейчас, поверх старых шрамов, наливались новые синяки. Она, с её-то хрупкостью, таскала эти изувеченные туши, чтобы защитить нас. Мне стало немного стыдно за свою слабость.

День клонился к вечеру. Идти куда-то было уже поздно. Да и, честно говоря, я всё ещё чувствовал себя так, будто по мне проехал асфальтоукладчик. Каждая мышца ныла, голова гудела, а ноги были ватными. Нам нужно было остаться здесь ещё на одну ночь. Но оставаться в грязной, пропахшей кровью и смертью одежде было выше моих сил.

Пришлось идти к ручью. Я разделся под ледяным взглядом Илэйи, которая держалась на почтительном расстоянии, но готова была в любой момент прийти на помощь. Холодная, почти ледяная вода обожгла кожу, смывая засохшую корку из своей и чужой крови, пот, грязь и липкий налёт чужеродной энергии. С каждым смытым пятном мне становилось немного легче. Будто я смывал с себя не только грязь, но и часть того ужаса, который пережил.

Илэйя, пока я мылся, развела небольшой, уютный костерок и заварила чай из каких-то пахучих трав, собранных ею, видимо, ещё вчера. Мы уселись на поваленном бревне у самого ручья, подальше от хижины и её мрачных воспоминаний. Тишину нарушало лишь тихое журчание воды и треск

сучьев в костре. Над нами, на чужом, зеленовато-фиолетовом небе, загорались незнакомые звёзды. Созвездия, которым не было названий ни в моём, ни в её мире. Они были прекрасны в своей чужеродности.

Мы молчали. Илэя, прижимая к груди кружку с дымящимся напитком, вдруг тихо, почти невесомо положила голову мне на плечо. Я замер, боясь спугнуть этот момент. Она о чём-то думала, и я не лез к ней с вопросами. На меня же мысли навалились тяжёлым, свинцовым грузом.

Я начал осознавать, в кого превратился. Не когда. Не почему. А именно в кого. За мной тянулся кровавый след. Сначала Падшие в лесу. Теперь эти наёмники. Шестеро там, дюжина здесь. Я не хотел их убивать. Я не испытывал к ним ненависти до того, как они напали. Но они не оставили мне выбора. Вставая на моём пути, они словно сами запускали этот проклятый механизм уничтожения. Я стал тем, кем никогда не мечтал стать — безжалостным убийцей. Чудовищем в человеческой шкуре, как сказал тот одноглазый, Корвус. И от этого осознания меня захлестнула такая тоска, такое чёрное, липкое отчаяние, что я почти физически ощутил, как проваливаюсь в депрессию.

Я не желал всего этого. Я хотел просто вернуться домой. В свой мир. Где не нужно было убивать, чтобы выжить. Где за

мною не гнались монстры из оживших кошмаров. Я вспомнил свой завод. Его размеренный, предсказуемый гул. Свою прокуренную насквозь квартиру. Даже записку о разводе на кухонном столе. Всё это было таким далёким, таким простым и понятным по сравнению с этим адом.

На глазах предательски защипало. Я почувствовал, как по щеке, разрезая дорожку в ещё не до конца смытой грязи, скатывается одинокая слеза.

«Так, ты мне ещё заплачь, — зло упрекнул я сам себя мысленно. — Соберись, тряпка». И тут же в памяти всплыла фраза из старого, идиотского юмористического сериала: «Натяни юбку на голову, намотай сопли на кулак и вперёд, Люся». Я усмехнулся про себя. Идиотская, нелепая фраза, но она сработала. Тоска отступила, сменившись холодной, злой решимостью. Нельзя раскисать. Тем более сейчас, когда я не один.

Идиллия продолжалась недолго.

Произошло то, чего я не ждал. Я ждал чего угодно — нового монстра, погони, отряда королевской стражи, — но только не этого.

Высоко над землёй, километрах в десяти, в самом зените,

небо взорвалось. Это был не гром и не вспышка молнии. Это был именно взрыв — беззвучный, от которого мир на мгновение сжался в точку. Пространство лопнуло, разойдясь рваной, светящейся багровым и фиолетовым раной. А из этой раны, из этого разлома в самой ткани реальности, появился он.

Корабль.

Огромный, затмивший собой почти четверть неба, идеально гладкий, обсидианово-чёрный корпус, испещрённый серебристыми, пульсирующими линиями. Он не был похож ни на один космический корабль из земной фантастики. Он был... живой? Чуждый. Непостижимый. От него веяло такой древней, невообразимой мощью, что я почувствовал себя пылинкой.

Разлом затянулся так же быстро, как и появился, оставив корабль висеть в небе, подобно рукотворной луне.

Я обомлел. Мозг отказывался обрабатывать увиденное. Я сидел на бревне с открытым ртом и просто смотрел вверх. Это не укладывалось в голове. Монстры, магия, порталы — это было... ну, хотя бы в рамках этого безумного мира. Но это! Это была технология. Технология на таком уровне, что она казалась магией.

Я перевёл взгляд на Илэйю. Она не просто испугалась. Она побелела как полотно. Её глаза, устремлённые на корабль, были полны самого настоящего, животного ужаса. То-го ужаса, который она даже не пыталась скрыть.

— О, нет, — вырвалось у неё. Её голос дрожал. — Только не это. Это худший вариант из всех, которые я предполагала.

— Что? Что это? Кто это? — выдохнул я.

— Жнецы, — ответила она, и это слово упало в тишину, как могильная плита. — Это Жнецы. Они приходят только в экстренных случаях. В случаях, которые могут угрожать самому балансу Вселенной.

— У нас проблемы, — продолжила она, и я впервые увидел в её глазах отчаяние.

Я не успел до конца оправиться от предыдущих нападений. Мышцы всё ещё ныли, рана на плече пульсировала. Но тело, словно по команде «фас», мгновенно перешло в боевой режим. Чернильно-синие нити на запястьях вспыхнули, заливая поляну холодным, агрессивным светом. Я начал подниматься.

Увидев меня, сияющего и готового к бою, Илэя резко вскочила и посмотрела на меня с неожиданной строгостью. Её взгляд был жёстким, не терпящим возражений.

— Даже не вздумай, — отчеканила она. — Ты не понимаешь. Сопротивляться или бежать бесполезно. Абсолютно. Это даже не обсуждается.

В этот момент из нижней части исполинского корабля вырвались три сгустка света. Три идеально ровных шара, диаметром около четырёх метров, сотканые из той же серебристо-чёрной энергии, что и линии на корпусе. Они отделились от корабля и стремительно, невероятно быстро устремились вниз. Прямо к нам. Их приближение было абсолютно беззвучным, и от этого ещё более пугающим.

Вскоре, подняв тучу красноватой пыли, три шара приземлились на поляне, метрах в двадцати от нас. Их поверхность пошла рябью, и из них, словно из вязкой жидкости, вышли три фигуры.

Это были гуманоиды, высотой под три метра. Они были облачены не в доспехи, а словно в саму энергию — их тела укутывали коконы из переливающегося, струящегося света. От них исходила такая невероятная, всеподавляющая мощь, что у меня перехватило дыхание. Я чувствовал её кожей, ко-

стями, каждой клеткой своего тела. Это была сила, по сравнению с которой моя собственная казалась жалкой искрой на ветру. Их лица было невозможно разглядеть. Под капюшонами из чистой энергии, там, где должны были быть глаза, горели лишь два ярких, красных, как раскалённые угли, огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.